

УДК 651.92

Т.В. Синявская-Суйковска
ЦЕЛЬ ПЕРЕВОДА, ТИП ТЕКСТА И ТЕКСТОВЫЕ КАТЕГОРИИ
КАК ОСНОВНЫЕ ПЕРЕМЕННЫЕ МОДЕЛИ ПЕРЕВОДА

Обосновывается выделение цели перевода, типа текста и текстовых категорий как основных переменных модели перевода. Особое внимание уделяется значимости предлагаемой модели для перевода специальных текстов.

Ключевые слова: перевод, модель перевода, адекватность перевода, текст, специальный текст, текстовая категория.

Из существующих в настоящее время в переводоведении подходов к модели перевода, среди которых можно выделить, в зависимости от выдвижения во главу угла того или иного основного понятия – функции, цели и коммуникативного эффекта – соответственно подходы функциональный, прагматический и коммуникативно-когнитивный, широкое распространение получил функциональный подход, в рамках которого основным критерием адекватности переведенного текста по отношению к оригиналу признается функциональная адекватность (или эквивалентность).

Один из ярких представителей функционализма в польском переводоведении Роман Левицкий, предпринимая попытку примирить сторонников языковедческого и литературоведческого подходов к переводу, утверждает, что универсальным критерием оценки всех без исключения текстов может быть именно принцип функциональной адекватности, под которой он понимает «аналогичность связей между компонентами переводного текста по отношению к связям между компонентами текста подлинника. Под понятием связи компонентов подразумевается функция отдельных компонентов текстовой системы в этом тексте как целом...» [1. С. 70]. В своей очередной работе „Przekład wobec zjawisk podstandardowych” [2] Левицкий показывает принцип действия предложенного критерия на подстандартных языковых явлениях, функционирующих в пределах текста художественного произведения. Согласно этому принципу определенные языковые явления характеризуются с точки зрения выполняемых функций (в данном случае: локальная характеристика, индивидуальная характеристика, социальная характеристика, эмоциональная функция, темпоральная функция, возрастная функция, половая функция, интегративная или дистансирующая, конфронтативная, комическая, ритмическая функции), а затем анализируется передача данных функций в переводе с необходимым учетом так называемых функциональных доминант, т.е. функциональных характеристик, имеющих в тексте доминирующую роль [3. С. 36].

В связи со всем вышеизложенным возникает несколько вопросов. Первый связан с полным перечнем функций того или иного языкового явления, что само по себе не представляется ни вполне выполнимым, ни достаточно объективным. Во-вторых, такой перечень с необходимостью должен был учитывать определенный тип текста. Совершенно очевидно, что статус и функция, к примеру, имени собственного в юридическом и художественном тексте значительно разнятся, а функциональное соответствие Trybunału Kon-

stytucyjnego RP, каковым является Конституционный Суд РФ, совершенно недопустимо в определенных юридических документах. Причем весьма странно в связи с этим выглядит высказывание польского переводоведа Е. Пенькоса об использовании функциональных эквивалентов в юридических текстах, ср.: „W przekładzie tekstów prawnych poszukiwanie ekwiwalentów powinno prowadzić do wskazania odpowiedniego terminu, pojęcia albo instytucji w języku docelowym, których funkcja będzie taka sama lub podobna, jaką pełni ona w tekście źródłowym. Chodzi o tzw. ekwiwalent funkcjonalny” [4. С. 111].

В-третьих, не всегда возможен объективный выбор функциональной доминанты из ряда перекрещивающихся функций. Так, например, Кшиштоф Хейвовски, говоря о необходимости экзотизации имен собственных при переводе литературы для детей, следующим образом высказывается о переводе наименований/ имен зверей и игрушек: „**It seems to me** that the same rule does not obtain when it comes to translating names of pets and toys, where usually the intentionality of the name is more important than its cultural allegiance. Therefore **I would decide on** translating the names of the other (non-human) heroes of *Winnie-the-Pooh*” [5. P. 160] (выделено мной. – Т.С.-С.). Как видно, выбор функциональной доминанты в данном случае, как и во многих других, является сугубо субъективным.

Одним из радикальных проявлений таким образом понимаемой функциональной адекватности (эквивалентности) является динамическая эквивалентность Юджина Найды, идущая в паре с «принципом эквивалентного эффекта» [6. С. 119]. Общеизвестны ставшие уже классическими (и остающиеся спорными) примеры с заменой выражения «белый как снег» на «белый, словно оперение белой цапли» в случае, если получателям перевода незнаком снег. Ср. комментарий К. Хейвовского относительно других функциональных соответствий: “Replacing wolves with leopards may not provoke very fierce opposition. The situation will probably change, however, when the dynamic translator suggests replacing ‘our daily bread’ with, say, ‘fish’ for the sake of the Inuit, who are supposed not to know bread, or with some other staple foods for other ethnic groups. Is it not possible to explain to people from other cultures what bread is?” [5. P. 22].

Обзор функциональных теорий в переводоведении был бы неполным без упоминания о представителях «наиболее функционального» направления, так называемой теории скопос, – К. Райс, Фермеер, К. Норд. Функционализм понимается ими как сохранение функции текста в соответствии с требованиями языка перевода, говоря точнее, в первую очередь должна учитываться цель перевода, ср.: “In a functional concept of translation, the overall frame of reference for the translator is the function or functions the TT is intended to achieve in the target culture, i.e. its purpose or “skopos”. From this point of view, equivalence between ST and TT is regarded as being subordinate to all possible translation purposes and not as a principle valid “once and for all” [7. P. 106–107]. Таким образом, понятие эквивалентности не является универсальным для всех видов перевода. В каждом конкретном случае она зависит от его цели. Кристиана Норд приводит следующие примеры: диплом об окончании школы в Англии, переведенный на немецкий язык, не будет функционировать в качестве диплома об окончании школы в Германии, а будет всего лишь информировать

потенциального работодателя об оценках, полученных кандидатом в своей родной стране. При таком подходе функция текста, понимаемая как реализация намерений отправителя, также оказывается не чем-то заранее заданным, а каждый раз заново устанавливаемым (идентифицируемым) получателем, ср. “According to the dynamic view of textuality, a text does not “have” a function. A function can only be assigned to the text by the recipient in the act of reception” [7. P. 109]. Соответственно, как указывает Кристиана Норд, в этом случае невозможно говорить о «сохранении» функции текста оригинала, а лишь о создании такого текста, получатель которого сможет опознать в нем функции, актуализованные той или иной переводческой стратегией, причем функции эти могут не быть аналогичными функциям в тексте оригинала, а лишь совместимыми со свойственными данной культуре нормами функционирования таких текстов (“This is why we should not talk of “preserving ST function(s) in translation, but of producing a TT in such a manner that there are good chances for a TC recipient to assign to it the function(s) specified by the translation instructions (=functionality), which may or may not be fairly similar or analogous to those of the source text in its SC situation, but should be compatible with the culture-specific concept of translation (=loyalty)” [7. P. 110]). Для нашего дальнейшего рассуждения важно, однако, то, что функции текста, создаваемые подчиненными им функциями отдельных элементов, не выходят за рамки функций речи, выделенных Бюлером и Якобсоном, и именно на них основывается функциональная типология видов перевода [7. С. 111–114].

Функционалисты и скопос-теория часто критикуются за радикализм и по крайней мере частичное отрицание эквивалентности (см.: [5. С. 56–61]). Критикуя слова К. Райс о том, что при изменении функции переводчик должен ориентироваться не на сохранение функциональной адекватности текста перевода, а на создание адекватности его «иностранных» функций (“In changes of function the aim of the translating process is not anymore the attainment of a functionally TL text, but a TL text possessing a form which is adequate to the ‘foreign function’”, и далее: “The criteria are not to be derived from the question ‘to what end and for whom has the text been written?’, but from the question ‘to what end and for whom is the text translated?’” (цит. по: [5. С. 59]), К. Хейвовски подчеркивает, что единственными примерами изменения функции исходного текста, приводимыми К. Райс, являются грамматический перевод, используемый на уроках иностранного языка, дословный перевод для исследовательских целей и аннотации [5. С. 60]. Эта критика не кажется вполне обоснованной. Изменение цели перевода по сравнению с целью текста оригинала происходит постоянно. Писал об этом еще Юджин Найда, не придавая, правда, своим утверждениям статуса центральных понятий теоретической модели: «По традиции мы говорим обычно о свободном переводе и парафразе, противопоставляя их точному, или буквальному переводу. На деле, помимо этих крайних случаев, имеется множество других разновидностей перевода, например, такой сверхбуквальный перевод, как подстрочник, или случаи точного согласования, когда, например, какое-либо слово языка-источника всегда переводится одним и тем же, и всегда только одним, словом языка перевода. <...> В некоторых переводах целью является установление очень точных формальных и семантических соответствий, но тексты

снабжаются при этом множеством переводческих примечаний и комментариев. В других переводах ставится задача не столько передать информацию, сколько создать у читателя перевода приблизительно такое же настроение, как и у читателя оригинала» [6. С. 115].

Функция изменится также и в случае перевода произведений Шекспира на любой язык современных читателей. И даже если “the function of the translated text is usually evident and is always taken into account by an experienced translator” [5. С. 60], это не значит, что, принимая разные функциональные перспективы, мы не можем создать двух и более эквивалентных текстов.

Уже в своей монографии автор данной статьи, тогда еще не знакомая с постулатами «скопос-теории», постулировала ориентацию на цель перевода, что отразилось также на формулировке основного понятия работы – функциональной адекватности, ср.: „Można przecież znaleźć wiele sytuacji, w których przekład dosłowny będzie adekwatny funkcjonalnie, na przykład, w sytuacji akademickiej, przy wyjaśnianiu właściwości systemu leksykalnego lub składniowego w języku wyjściowym. Również przy znanym już przykładzie K.Reis na temat kwiecistości stylu hiszpańskiej retoryki w wypadku przekładu na język niemiecki, kiedy zaleca ona zredukować hiszpańską ekspresję do minimum, żeby nie wywołać u niemieckich odbiorców niepożądanych efektów komunikacyjnych... można mówić o priorytecie ekwiwalencji stylistycznej i odpowiednio o funkcjonalnej adekwatności przekładu, jeśli jego nadrzędnym celem będzie zapoznanie niemieckiego czytelnika z właściwościami oratorskiej sztuki Hiszpanów” [8. S. 20]. И далее: „...przekład adekwatny funkcjonalnie to taki, który spełnia warunki ekwiwalencji w stosunku do tekstu oryginału z punktu widzenia pełnionej przez niego funkcji w kulturze docelowej, z której uwzględnieniem funkcje elementów oryginału zostały zachowane w stopniu maksymalnym” [8. S. 20]. Несмотря на некоторую запутанность формулировки, из нее явственно следует, что центральное место отводится в ней функции текста в культуре языка перевода (цель перевода). Именно она обуславливает подвижную/динамическую эквивалентность текста перевода по отношению к тексту подлинника, проявляющуюся в максимальном сохранении также динамических функций отдельных элементов этого текста как целого.

На основании всего вышеизложенного мы предлагаем свою концепцию функциональности перевода, представляющую собой инвариант перевода, состоящий из нескольких переменных: цели перевода в значении, представленном выше, типа текста и функции текста (а также входящих в его состав единиц). Значительным отличием данного подхода от скопос-теории является наличие в инварианте переменной «тип текста», на котором следовало бы остановиться подробнее.

Одной из особенностей современного лингвистического знания, в том числе и теории перевода, становится его включение в динамическую – текстовую и дискурсивную парадигму (подробнее об этом пишет И.С. Алексеева [9]). Осознание того, что переводятся не языки, а тексты, привело к выделению понятия **тип текста** как основной составляющей инварианта модели перевода и включению этой переменной в теоретические исследования и практические рекомендации в солидных работах по переводоведению. Тип текста начинает включаться в определения перевода, ср.: «Перевод – это

деятельность, которая заключается в вариативном перевыражении, перекодировании текста, порожденного на одном языке, в текст на другом языке, осущетсвляемая переводчиком, который творчески выбирает варианты в зависимости от вариативных ресурсов языка, вида перевода, задач перевода, типа текста и под воздействием собственной индивидуальности» [10. С. 7]. Ведь именно тип текста, как мы уже упоминали, в большинстве случаев обусловливает специфику переводческих стратегий: например, в разных видах специальных текстов трудность при переводе могут представлять совершенно разные языковые явления. Более того, даже одна и та же языковая сущность может потребовать совершенно иного подхода в зависимости от типа текста. Как справедливо заметила А. Дикель, описывая отдельные виды специальных текстов (СТ), СТ – это отнюдь не однородное явление, о чем могут свидетельствовать, например, терминосистемы тех или иных СТ. Так, в точных науках, медицине, технике дефиниции понятий стремятся к максимальной точности и однозначности – развитие терминологии здесь происходит кумулятивно. В юридических науках, истории и социологии, наоборот, речь идет скорее о научной интерпретации какого-либо отрезка реальности, причем таких интерпретаций может быть несколько [11. С. 140–141]. Точно так же перенос присущего какому-либо СТ явления в другой тип текста сопровождается глобальными изменениями переводческих стратегий. Вот что пишет о переводе правовых терминов, функционирующих на пространстве художественного текста, И.И. Чиронова: «...при переходе правовой терминологии из юридических текстов и документов в художественное произведение частично изменяется функциональная нагрузка термина, что не может не сказаться на способах его перевода. Вне специального контекста термин не обязательно должен переводиться с помощью устойчивого эквивалентного соответствия (как правило, словарного). Терминологические признаки могут даже мешать функционированию данной лексической единицы в художественном или публицистическом контексте. С другой стороны, полная детерминализация понятия возможна в ограниченном числе контекстов и не является правилом перевода» [12. С. 543]. Именно тип текста влияет на статус того или иного языкового явления в разных СТ. Так, например, как справедливо отмечает Н.Д. Голев, «естественное имя, обретшее юридический статус, уже является омонимом своему исходному корреляту» [13. С. 47].

Одновременно с выдвижением на первый план типа текста как детерминанта переводческих действий стало понятно, что создание единой, общей модели перевода для всех типов текстов проблематично, если не невыполнимо. Возник также вопрос: а какие черты текста обуславливают специфику его перевода и как, соответственно, должна выглядеть переводоведческая классификация текстов? Широкую известность получила классификация текстов К. Райс [14], но в ее основу, как и в основу функциональной типологии видов перевода Кристианы Норд [7], были почему-то положены языковые (речевые) функции, а не текстовые. Вообще, следовало бы сказать, что достижения теории текста только в незначительной степени используются в работах по переводоведению. И если в некоторых монографиях тип текста все же включается в модель перевода, то в большинстве практических пособий или вообще нет никакой «текстовой» методологической базы (а иногда

даже и переводоведческой), или же она представлена совершенно отрывочными, несистемными сведениями. Так, например, в учебном пособии, посвященном техническому переводу [15], только в некоторых частях освещаются проблемы перевода технического текста (перевод интернациональных слов, правила перевода акронимов, имен собственных, особенности написания чисел, математические выражения и проч.), все остальное представляет собой сравнительное англо-русское переводоведение (грамматические и лексические несоответствия), причем непонятно, на каком основании в книгу были включены такие разделы, как «перевод пословиц, поговорок и фразеологических сочетаний», «перевод игры слов» и проч.). А, например, в учебнике В.В. Алимova «Юридический перевод» особенности юридического текста ограничиваются пятью пунктами: юридическая лексика, идиоматические сочетания, стилистические отклонения от общелитературных норм, латинские слова и выражения и сокращения [16. С. 13–14].

Возвращаясь к проблеме транслатологической классификации текстов, следует отметить большое количество посвященных данной проблематике работ польских исследователей: Е. Люкшина, С. Гручи, Ф. Гручи, В. Змарзер, А. Дикель и др.

Ценную транслатологическую классификацию типов текста предлагает И.С. Алексеева [10. С. 264–265] в зависимости от таких релевантных для перевода признаков, как вид информации, источник, реципиент и мера переводимости. Автор выделяет тексты научно-учебные, энциклопедические, документы, объявления, траурные объявления, некрологи, законодательные тексты, научно-популярные, искусствоведческие и т.д., отмечая при этом, что в классификации присутствуют далеко не все виды текстов. Так, например, художественные тексты не делятся на прозаические, поэтические, тексты для детей и т.д., что обосновывается тем, что «все художественные тексты, вне зависимости от жанра и вида, обладают одинаковыми характеристиками, выделенными как релевантные признаки в таблице» [10. С. 265]. С этим положением можно было бы поспорить, так же как и с некоторыми замечаниями, приводимыми при характеристике отдельных типов текстов.

Все грамматические, лексические и стилистические особенности отдельных типов текстов описываются с точки зрения русского языка, а представляются как универсальные, как если бы типы текста не имели национально-культурной специфики. Мы отметили только одно упоминание о культурно обусловленных особенностях текста при характеристике газетно-журнального информационного текста, ср.: «Традиционно доля разговорной лексики и устных синтаксических структур в массовой периодике в разных странах (а значит, и на разных языках) различна. Более академичны и близки к письменной литературной норме немецкий и русский газетно-журнальные стили, значительно более свободны английский и особенно американский» [10. С. 285]. А ведь такого рода национальная специфика характерна практически для всех типов текста, и в ряде стран, в том числе и в Польше, ведутся активные исследования по выявлению национальных особенностей, например научного дискурса.

Кроме того, автор не отвечает (или отвечает непоследовательно) на один из важнейших вопросов (ответ на который как раз-таки и предполагает соз-

дание транслатологической классификации): как же следует переводить тот или иной тип текста? Указания для решения конкретных переводческих задач приводятся в части, посвященной терминологической системе философского текста, а также при характеристике газетно-журнального текста, причем в случае последнего определение стратегии перевода как сохранения присущей стилю оригинала идеологии представляется сомнительным или по крайней мере не соответствующим действительности. Дело в том, что перевод газетной публицистики практически никогда не предполагает сохранения идеологии (а тем более таких лексических средств, как клише и фразеологизмы) оригинала: наоборот, адаптация и политизация (как придание политической окраски чему-либо) повсеместное явление в этом виде перевода.

Таким образом, представляется, что выделение транслатологического типа текста на основе определенных критериев должно идти в паре с неизменным выявлением его национальной специфики. Остается только ответить на вопрос об упомянутых «определенных критериях», которые, как мы уже показали, могут быть совершенно разными (от языковых функций до видов информации и экстралингвистических признаков, таких как источник и реципиент). Эти критерии позволили бы достаточно четко дифференцировать типы текстов, причем особенно существенной представляется их роль для выявления типов СТ, а также обоснованного противопоставления СТ художественным и публицистическим текстам. Для выявления типов СТ эта проблема встает особенно остро, поскольку даже сейчас в некоторых работах по научному переводу не проводится разделения на тексты, например научные и научно-популярные. Причем иногда по традиции в них включаются и тексты технические (ср. распространенные еще в недавнем прошлом термины «научно-технический текст» и «научно-технический перевод»).

Наиболее распространенным критерием для общезыкового и транслатологического выделения СТ в качестве одной группы является терминология, что проявляется, в частности, в подходе ученых-переводоведов к организации материала в монографиях или учебниках по специальному переводу, где делается акцент на особенностях перевода терминов (научных, юридических, экономических и т.п.) и выявлении языковых соответствий и различий (см., например, [17]). Следует признать, что, несомненно, термины играют существенную роль в текстопорождении и текстовосприятии СТ, но СТ – это не только термины, и ограничение его только этим релевантным признаком существенно обедняет как общелингвистические, так и переводоведческие работы. Представляется целесообразным обратиться в конце концов к лингвистике и стилистике текста и именно там поискать ответ на вопрос о критериях выделения типов (не только специальных) текстов. Наше предложение вполне созвучно мнению И.С. Алексеевой о необходимости вывода теории перевода из статистической парадигмы в парадигму текстовую и деятельностьную [9], благодаря которому разрозненные «переводческие проблемы» (ограничивающиеся чаще всего лексическими) станут системными в одном – текстовом – аспекте.

Еще в конце прошлого века выдающийся российский стилист М.Н. Кожина предложила выделять в зависимости от коммуникативных задач общения (текста) функциональные семантико-стилистические категории [18.

С. 12–13], представляющие собой функциональную систему языковых средств различных языковых уровней, выступающих в одной роли и тем самым связанных между собой в отдельных видах текстов на основе выполнения ими единого коммуникативного задания, т.е. связанных функционально-стилистически [18. С. 15]. «Стилистически» потому, объясняет далее автор, «что формирование этой системы средств... и их специализация в определенной функции и употребление в тексте обусловлены целями коммуникации именно в этой сфере» [18. С. 15]. Среди таких речевых (текстовых) категорий М.Н. Кожина выделяет категории акцентности, оценки, авторизации, гипотетичности, обобщенности и абстрагизации изложения, его объективности, экспрессивности (эмотивности), логичности, лаконичности (компрессированности изложения), стандартизованности и диалогичности. Ср. далее: «Все они имеют полевую структуру и выражаются разноуровневыми языковыми средствами. Кроме того, в каждом из функциональных стилей состав средств выражения этих категорий, т.е. «наполнение» центра и периферии, а следовательно, и частоты употребления соответствующих языковых средств, а главное – сам характер (содержание) каждой из этих категорий и степень «насыщенности» ею текста будут различными в каждом из функциональных стилей (а также в их более частных разновидностях)» [18. С. 23]. Что касается последнего замечания, то представляется, что разным будет и проявление вышеназванных категорий в различных типах текстов. Они могут и должны быть положены в основу дифференциации текстов. С точки зрения модели перевода и инварианта текста именно текстовые категории будут играть решающую роль при установлении последней из предложенных нами в переменных – функции текста – и обуславливать функциональный потенциал тех или иных текстовых элементов.

Таким образом, следующим шагом на пути исследования типов текстов представляется изначально гипотетическое выделение текстовых категорий, релевантных для перевода, описание их реализации в разных типах текстов, а принимая во внимание наше утверждение об обязательной национально-культурной направленности переводоведческих исследований, также и сравнение способа реализации этих категорий в исследуемых языках (в данном случае русском и польском).

Литература

1. *Левицкий Р.* О принципе функциональной адекватности перевода // Съоставително езикознание. IX/1984. Кн. 3. С. 68–77.
2. *Lewicki R.* Przekład wobec zjawisk podstandardowych. Na materiale polskich przekładów współczesnej prozy rosyjskiej. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1986. 221 s.
3. *Швейцер А.Д.* К проблеме лингвистического изучения процесса перевода // Вопросы языкознания. 1970. № 4. С. 30–42.
4. *Pieńkos J.* Przekład i tłumacz we współczesnym świecie. Aspekty lingwistyczne i pozalingwistyczne. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1993. 436 s.
5. *Hejrowski K.* Translation: a Cognitive-Communicative Approach. Olecko: Wydawnictwo Wszechnicy Mazurskiej, 2004. 311 s.
6. *Найда Ю.А.* К науке переводить // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике: Сб. ст. М.: Международные отношения, 1978. С. 114–136.

7. Nord Ch. Text in Situations (a functional model for text analysis in translation teaching) // Перевод и лингвистика текста. М., 1994. С. 105–127.
8. Siniawska-Sujkowska T. Adekwatność funkcjonalna przekładu a sygnały meta komunikacyjne. Na materiale przekładów prozy rosyjskiej XX wieku na język polski. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2008. 137 s.
9. Алексеева И.С. Современное состояние теории перевода в России (критический обзор) // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 9. 2008. Вып 1. С. 26–39.
10. Алексеева И.С. Введение в переводоведение. СПб.; М., 2004.
11. Dykiel A. Rodzaje ekwiwalencji przekładowej tekstów specjalistycznych // Języki specjalistyczne 3. Lingwistyczna identyfikacja tekstów specjalistycznych, Warszawa: Zakład Graficzny UW, 2003. S. 134–146.
12. Чиронова И.И. Проблема детерминализации правовых понятий в художественном переводе // Седьмые Федоровские чтения. Университетское переводоведение. Вып. 7. СПб., 2006. С. 536–543.
13. Голев Н.Д. О специфике языка права в системе общенародного русского языка и ее юридического функционирования // Юрислингвистика-5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 2004. С. 43–62.
14. Райс К. Классификация текстов и методы перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике: Сб. ст. М., 1978. С. 202–225.
15. Айзенкоп С.М., Багдасарова Л.В., Васина Н.С., Глуценко И.Н. Учебное пособие по техническому переводу. Ростов н/Д, 1996.
16. Алимов В.В. Юридический перевод: практический курс. Английский язык. М., 2004.
17. Татаринов В.А. Методология научного перевода: К основаниям теории конвертации. М., 2007.
18. Кожина М.Н. О функциональных семантико-стилистических категориях в аспекте коммуникативной теории языка // Разновидности и жанры научной прозы: Лингвистические особенности. М., 1989. С. 3–27.